

МОСКОВСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА И ОРДЕНА ТРУДОВОГО
КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

Философский факультет

На правах рукописи

М. П. НОВИКОВ

ИДЕОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора философских наук

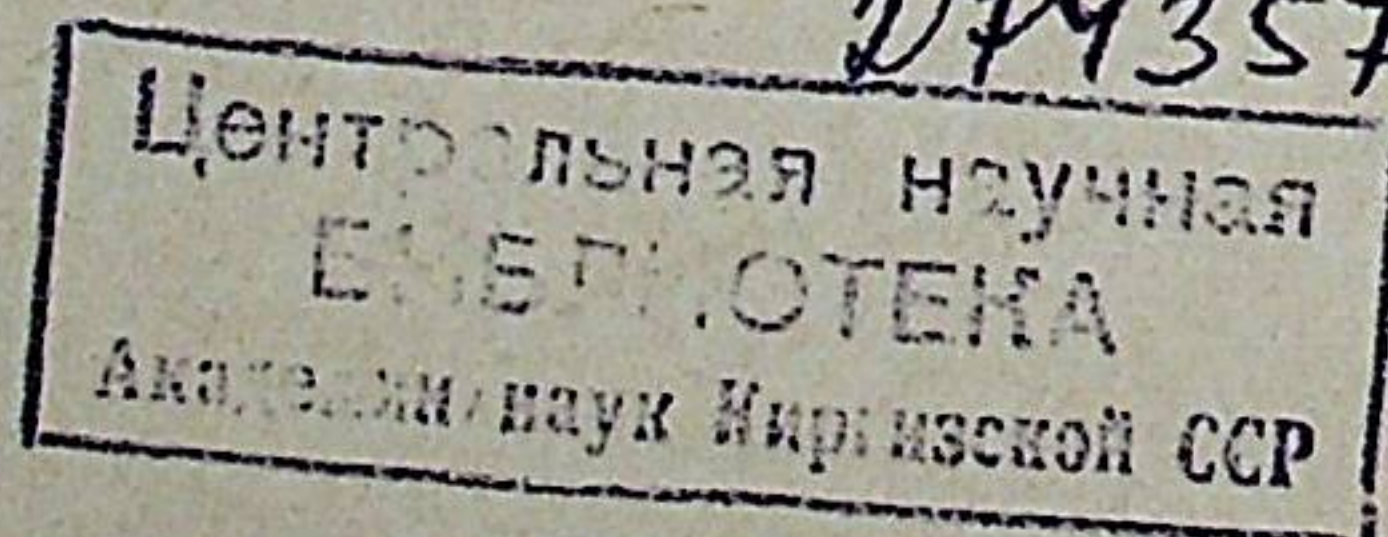
МОСКВА — 1966 г.

«Величайшим результатом многолетних усилий партии в области идеологической работы, — говорится в отчетном докладе Центрального Комитета XXIII съезду КПСС, — является воспитание нового советского человека»¹. Рабочий класс, колхозное крестьянство, советская интеллигенция показывают примеры высокой социалистической сознательности, героического труда. С победой социализма в сознании советских людей произошел глубокий переворот. Однако решение величайшей в истории человечества социальной задачи — строительства коммунизма требует еще выше поднять уровень всех звеньев идеологической работы, теснее связать ее с жизнью, с практикой коммунистического строительства.

Программа КПСС ставит как одну из важных задач в области воспитания социалистической сознательности систематическое проведение широкой научно-атеистической пропаганды, терпеливое разъяснение несостоятельности религиозных верований, возникших в прошлом в силу ряда социальных, гносеологических и психологических причин. Следуя указаниям В. И. Ленина, партия на различных этапах социалистического строительства выдвигает специфические формы и методы атеистического воспитания. В настоящее время назрела объективная возможность решить задачу полного освобождения сознания советских людей от пережитков прошлого, среди которых одно из первых мест занимает религия. Необходимость усиления атеистической работы диктуется также и тем, что практически все религиозные организации активизируют свою деятельность, совершенствуют приемы и способы воздействия на верующих и неверующих.

Одной из самых крупных и наиболее влиятельных религиозных организаций в нашей стране является русская православная церковь. Совершенствуя подготовку богословов и священнослужителей через сеть духовных академий, семинарий, курсов, активизируя издательскую и проповедническую деятельность, православная церковь пытается не только сохранить, но и упрочить свои позиции. С этой целью церковь активно перестраивается, приспособляется к духу времени, к сознанию современного верующего. Изменив свою политическую ориентацию и заняв лояльные позиции по отношению

¹ «Правда» от 30 марта 1966 г.

к Советскому государству, православная церковь объявила социализм не противоречащим «священному писанию», а свои интересы тождественными интересам народа. Церковь отказалась от прямых выступлений против науки, доказывая, что православная идеология не только не противоречит социальному и техническому прогрессу, но даже способствует развитию творческих способностей и дарований. Ответом на запросы современной жизни является повышенный интерес церкви к проблемам нравственного совершенствования человека, ее стремление монополизировать сферу нравственных отношений и представить принципы социалистической морали как новое выражение старых библейских заповедей.

Перестройка в православии сейчас затрагивает по существу все стороны вероучения и культа. Модернизация коснулась не только социальной доктрины православия, отношения к науке, нравственного учения, но в последние 5—6 лет распространилась даже на догматику. Церковь предлагает новые аргументы для религиозной оценки обязанностей человека перед обществом, государством, семьей, по-новому интерпретирует роль религии в создании наилучших условий жизни на земле.

В предлагаемой диссертации на основе анализа современной православной литературы, в частности, лекционных курсов, читаемых ведущими богословами в духовных академиях, семинариях, периодических изданий Московской патриархии в нашей стране и за рубежом, докторских, магистерских и кандидатских работ, защищенных за последние годы в Московской и Ленинградской духовных академиях, а также значительного числа рукописей, распространяемых православными богословами и священнослужителями, раскрываются основные аспекты современного православного модернизма. Насколько это представляется возможным, в диссертации делается попытка исследовать не только общие тенденции в приспособлении православной идеологии к условиям социалистической действительности, но и основные аргументы, с помощью которых оказывается непосредственное воздействие на верующих. Изучение приемов и способов религиозного влияния является не только теоретическим, но и важным практическим вопросом. Это позволяет выяснить, в чем вред религии сегодня, почему православная идеология, как и прежде, несовместима с научно-материалистическим мировоззрением.

Разумеется, данная работа не может претендовать на исчерпывающее освещение всех без исключения аспектов современного православного модернизма; подобная задача может быть решена рядом исследований. В диссертации внимание концентрируется в основном на таких проблемах, как сущность модернистских и фундаменталистских тенденций в идеологии современного православия, исследуется православная концепция общественной жизни, нравственная доктрина, отношение к науке, основные мировоззренческие представления и приемы пропаганды религии современным русским православием.

Отбор перечисленных проблем в известной степени определил и структуру диссертации.

В первой главе — «Фундаментализм и модернизм» — рассматривается соотношение традиционных и модернистских тенденций в современной православной идеологии в ракурсе тех изменений, которые вносятся в нее богословами и священнослужителями.

Анализ христианской идеологии на различных этапах истории позволяет сделать вывод, что последняя всегда приспосабливалась и приспособляется к изменяющимся условиям жизни. Говоря о первоначальном христианстве, Ф. Энгельс отмечал, что оно «как небо от земли отличалось от позднейшей, зафиксированной в догматах мировой религии Никейского собора»¹. Первый вселенский собор приспособил христианство к роли государственной религии. Кальвинизм придал ему республиканский, демократический вид². Обуржуазившаяся церковь в 19 веке тесными узами связала христианскую идеологию с официальной идеологией капиталистического общества. Особенно заметные изменения претерпела идеология православия в условиях социалистических преобразований.

В диссертации не разделяются представления, согласно которым приспособление православной идеологии к новым историческим условиям объясняется различными субъективными причинами, в частности, волевыми действиями священнослужителей. Приспособление и один из его важнейших моментов — модернизм являются объективным процессом. Они всецело определяются изменением общественно-экономических условий, сознания и психологии людей. В сфере всех существующих идеологических форм не могут не фиксироваться постоянно изменяющиеся условия жизни. И религия в этом отношении не представляет собою исключения. Различные социальные явления, отражаемые в религиозных понятиях, по мере их преобразования интерпретируются применительно к их новому содержанию. В толкование старых догматов и других религиозных категорий включаются элементы новой системы воззрений, особенно если эта новая система взглядов становится господствующей.

В диссертации подчеркивается, что все изменения, которые происходили и происходят в христианской идеологии, не выходили и не выходят за рамки религиозного образа мышления. Любой этап в эволюции христианства, в том числе и современный, не ведет к изменению самой сущности религии. Если, допустим, православная церковь пересмотрела свои социальные воззрения, провозгласила тезис о близости коммунистических и христианских идей, отказалась от ряда своих безнадежно устаревших представлений, то это конечно означает, что она в свою идеологию внесла определенные изменения. Но одновременно православие полностью сохраняет весь комплекс своих основных представлений: о боге, бессмертии души, загробном воздаянии, спасении; оно по-прежнему дает лож-

¹ К. Каркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 478.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 313—315.

ное, извращенное представление о действительности. Поэтому при оценке характера изменений в системе православной идеологии, следует иметь в виду, что, с одной стороны, остаются неизменными все основные моменты вероучения и культа, а с другой, не только отбрасываются, но и осуждаются многие прежние общественные, политические, нравственные и другие требования.

Православные богословы по этому вопросу высказывают две на первый взгляд противоположные точки зрения. Одни из них предлагают тщательно учитывать «потребность приспособления единой христианской истины к новым условиям». Другие резко осуждают стремления к модернизации и призывают строго хранить традиционные воззрения. Идеологи православия как в нашей стране, так и за рубежом, в одно и то же время, не одобряют деятельности тех священнослужителей, которые не хотят видеть зависимости церкви от места и времени ее деятельности (*variable selon le temps et le lieu*)¹, и тех, кто пытается чрезмерно переоценить эту зависимость. По мнению В. Лосского, у русской православной церкви изменились «только внешние формы и условия жизни, только ее отношение к миру, меняющееся с веками в зависимости от обстановки, в которой она призвана жить и осуществлять свои задачи»². Во всем остальном, утверждает виднейший апологет православия, идеология русского православия остается неизменной. Но за этими казалось бы противоречивыми суждениями нельзя не видеть общего признания необходимости учета процессов, происходящих в жизни. В конечном счете идеологи современного православия осуждают не сами стремления к пересмотру традиционных взглядов или к сохранению традиций, они выступают против крайностей в этом вопросе. Подобная тактика обусловлена тем обстоятельством, что если уступить слишком много и перейти предел возможного компромисса с современностью, то тем самым можно поставить под сомнение важнейшие догматы, в частности, догмат о церкви как внеисторическом явлении, независимом от мира и законов его жизни, разрушить православную экклесиологию и подорвать доверие к ней большинства верующих, придерживающихся сложившихся у них традиционных представлений.

В диссертации рассматриваются также различные оценки, содержащиеся в атеистической литературе последнего времени, о соотношении модернистских и фундаменталистских тенденций в идеологии современного православия. В этой связи обнаруживается недостаточно аргументированная позиция тех исследователей, которые полагают, что в силу ярко выраженного консерватизма православие ни в чем по существу не изменилось и строго придерживается всех своих традиционных формул. В данном случае упускается из виду тот момент, что модернизм определяется не столько отказом от тех или иных догматов и канонов, сколько их новой интер-

претацией применительно к современности, к запросам и представлениям верующих. Русская православная церковь, подчеркивая свою приверженность к традициям, объявляя их «краеугольными камнями религиозной жизни во все времена бытия», постоянно обновляет способы интерпретации своего вероучения, предлагает новые догматические формулировки, отказывается от многого из того, что становится очевидным анахронизмом. В модернизме и в фундаментализме применительно к православию следует видеть не противоположные и даже не самостоятельные течения, а всего лишь два приема защиты авторитета религии. Соотношение фундаменталистских и модернистских тенденций рассматривается в диссертации на основе анализа современной православной экзегетики, догматики, экклесиологии, литургики, гомилетики.

В современной православной экзегетике, в отличие от католической и протестантской, преобладает тенденция к буквальному толкованию библейских текстов. Творческий гексамерон, грехопадение, долголетие патриархов, всемирный потоп и подобные рассказы православные богословы продолжают излагать в их буквальном значении. Возникает вопрос, почему православные экзегеты отказываются от широко распространенного аллегорического понимания столь нелепых библейских рассказов, не боясь, по их словам, отстать от развития современного богословия? Это объясняется прежде всего ясным пониманием того факта, что аллегорическое истолкование одних библейских рассказов порождает недоумения при ознакомлении с другими рассказами. Так, например, если согласиться с католическими модернистами, что долголетие патриархов можно объяснить или путем сокращения библейского года, или же отнесением допотопного долголетия не к конкретной личности, а к роду, названному именем его главного представителя, то это, по мнению православных экзегетов, не только не решает проблемы, но может породить новые сомнения. Ведь по Библии Малелеил жил 895 лет (Быт. 5,17), Каинан — 910 лет (Быт. 5,14), Ной — 950 лет (Быт. 9,29). Если сузить библейский год, то может получиться, что у Каинана родился ребенок, когда отцу было не более десяти лет, а у Малелеила еще раньше. Следовательно, аллегорическое толкование еще меньше будет способствовать представлению о богодухновенности «священного писания», чем буквальное понимание долголетия патриархов. Если же считать Адама, Еноха, Сифа, Ноя и т. д. собирательными именами, то повисают в воздухе библейские рассказы об их индивидуальных особенностях, личных качествах. Именно поэтому православные экзегеты пытаются объяснить «божественное откровение», не покусаясь на дух и букву Библии, различными способами, и в частности, теорией исторического регресса.

Однако, отстаивая представление об исторической реальности всех без исключения библейских событий, православные богословы широко практикуют теперь аллегорическое истолкование тех ветхозаветных и новозаветных рассказов, которые или сами по себе

¹ *Messenger de l'Exarchat du Patriarche russe en Europe occidentale*, Paris, 1950, № 1, p. 21.

² *ibidem*, p. 28.

имеют аллегорический смысл, или своим содержанием подрывают доверие верующих к «священному писанию».

Общезвестно, что всем современным священнослужителям особенно много неприятностей доставляет библейская оценка женщины. В послании апостола Павла ефесянам говорится: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как господу; потому что муж есть глава жены... Жена да боится (своего) мужа» (Ефес. 5,22—23; 5,33). Не так давно эти и им подобные апостольские указания широко пропагандировались церковью, имея своим следствием повсеместное унижение женского достоинства. Но времена изменились, и женщина заняла равное положение с мужчиной во всех сферах жизни советского общества. К тому же в силу целого ряда причин женщины сейчас составляют основную массу прихожан в православных приходах. Это, разумеется, не могло остаться незамеченным идеологами православия. Они стали говорить теперь, что только благодаря христианству женщина поднята на небывалую высоту, во всем стала равной мужчине, смогла раскрыть свои творческие силы и духовные способности. Только христианство якобы избавило женщину от рабства ветхозаветных правил, от веками господствовавшего презрения к ней.

Сейчас в библейские оценки роли женщины в семейной и общественной жизни идеологи православия вносят существенные коррективы, пытаются придать новозаветным формулам новый смысл, вложить в них соответствующее современности содержание. Они стали утверждать, что «слово «бояться» употребляется в св. писании в смысле благоговения, как определение некоей степени любви»¹.

На основании анализа библейских текстов, а также сопоставления русского перевода Библии с оригиналом и переводами на другие языки показывается несостоятельность новых богословских аргументов.

Стремление к обновлению особенно обветшалых христианских представлений находит свое отражение в современном догматическом богословии. По свидетельству православных иерархов, церковь не ставит задачу «до конца рационализировать догматические проблемы»². Более того, «невозможность полного постижения разумом догматических истин, — по мнению священника П. Викторова, — составляет одно из основных положений православного богословия»³. Но одновременно те же иерархи ставят задачу, не сокращая и не увеличивая количества догматов, не изменяя общего представления о них как об «открытых богом истинах», добиться более доходчивого, более понятного их толкования. Они выдвигают идею «догматического развития», разумея под этим «усовершенствование догматических формулировок для большего уяснения и точного выражения, частично требуемого обстоятельствами време-

¹ «Журнал Московской патриархии», 1959, № 9, стр. 70.

² «Журнал Московской патриархии», 1958, № 10, стр. 72.

³ «Журнал Московской патриархии», 1956, № 6, стр. 46.

ни, одного и того же древнего учения церкви»¹. По свидетельству самих же богословов, новые приемы раскрытия и толкования догматики имеют целью сделать веру «более доступной человеческому сознанию», чтобы люди «с рассудительностью веровали в то же самое, во что прежде веровали по простоте»².

Таким образом, и новый набор догматических формулировок и истолкований догматов подчинен главной задаче: сохранению неизбылемости основ христианского вероучения. Можно сказать, что православные приемы утверждения и пропаганды догматики во многих отношениях точно учитывают психологию различных категорий верующих, и для всех из них являются в большей или меньшей степени приемлемыми. С одной стороны, церковь учитывает силу и воздействие традиционных представлений. Если бы, говорят богословы, церковь позволила себе пойти по пути ревизии догматики или раскритиковала какой-либо период своей истории, то тем самым она бы сразу скомпрометировала бы себя в глазах верующих. Падение одних сложившихся представлений, подобно цепной реакции, может вызвать скептицизм в отношении ко всему христианскому вероучению. Именно поэтому во всем, что составляет основы веры, церковь требует строгой преемственности, которая, по словам священнослужителей, должна составлять «неразрывную цепь» и «священную ограду» для всякого скептицизма и неверия.

С другой стороны, подобные приемы позволяют учитывать процесс постоянного изменения сознания верующих. Если, допустим, у многих верующих сформировались новые представления о природе и обществе, то соответственно этим изменениям предлагаются и новые приемы истолкования догматов. К тому же все делается так, чтобы эти приемы не разрушали традиционных воззрений. Все это, вместе взятое, позволяет православным церквям сохранять основы своего вероучения и культа, догматики и канонов, антинаучных по своей сущности, несовместимых с материалистическим мировоззрением.

Эта же тенденция особенно ярко и наглядно проявляется в православном культе. Культ неразрывно связан с вероучением, являясь его внешним выражением. Его назначение — воздействие религиозными понятиями на эмоции и чувства людей. Именно поэтому приспособлению богослужебной практики к запросам современного верующего церковь уделяет особое внимание. Конечно, каких-то принципиальных изменений в богослужебной практике не произошло. Но в течение последних лет церковь все больше и больше отказывается от тех сторон богослужения, которые перестали соответствовать изменившимся представлениям верующих, пришли в противоречие с новыми условиями их жизни, стали очевидным для всех анахронизмом. Так, например, особенно очевидной для большинства верующих стала архаичность обрядов и церковных правил, связанных с соблюдением постов, празднованием различного рода чу-

² «Журнал Московской патриархии», 1956, № 8, стр. 47.

³ «Журнал Московской патриархии», 1958, № 8, стр. 51.

дес, широко распространенных в прошлом молитв. Раньше церковь обязывала верующих в определенные периоды времени ограничивать себя в пище, отказываться от употребления мяса, масла и т. п.

Сейчас подобные требования церковь объявила внешней стороной веры, причем, не главной. Истинным постом считается уже «духовный пост», заключающийся не столько в ограничении пищи, сколько в воздержании от страстей, греха, тщеславия, лицемерия. Церковь перестала указывать, что и сколько есть верующему. Телесный пост уже рекомендуется выполнять «по мере сил», помня, что «если человек изнуряет себя постом, будет от голода раздражителен, упрям или угрюм, то он неугоден богу, потому что неядение само по себе не добродетель»¹.

Изменение позиции церкви в отношении соблюдения постов произошло под влиянием самих верующих. Именно верующие постепенно перестали выполнять многочисленные запреты, забывали о них или сознательно игнорировали, и церкви ничего не оставалось делать, как согласиться с тем, что стало очевидным фактом. В диссертации рассматриваются различные приемы подчистки устаревших канонов и церковных правил и основные тенденции в этом направлении.

Но все изменения, осуществляемые церковью в экзегетике, догматике, литургике, эклесиологии, канонических правилах не меняют, повторяем, сущности православной идеологии. Более того, делая уступки в неглавном, церковь стремится спасти основы своего вероучения и тем самым сохранить и упрочить религию.

Во второй главе — «Концепция общественной жизни современного православия» — исследуется отношение православия к социальному прогрессу и его доктрина преобразования и совершенствования общественной жизни. Сложность анализа данной проблематики заключается в том, что русская православная церковь никогда не публиковала социологических и политических трактатов подобных папским энцикликам и, более того, ее ведущие иерархи как раньше, так и сейчас говорят об извечном индифферентизме церкви к государственному устройству, к социальным условиям жизни и другим коренным общественным проблемам. Именно это позволило ряду исследователей православной идеологии сделать вывод о том, что русская православная церковь придерживается традиционных для нее формул о безразличии к общественным условиям.

Действительно, многие из православных богословов говорят, что христианство всегда уклонялось от непосредственного разрешения политических и социальных вопросов. Это объясняется, по мнению одного из преподавателей Московской духовной академии В. И. Талызина, тем, что оно «возлагает свои надежды в деле нравственного возрождения человека не на создание новых, более разумных и лучших политических, социальных условий, в которых люди бы

воспитывались для добродетели, а на воздействие на сердце и совесть человека».

Однако при более пристальном анализе нельзя не обратить внимания, что богословский вывод не вытекает из посылок. Церковь на всем протяжении истории своего существования проявляла особый интерес к социальной проблематике. Оправдание рабства и крепостничества, эксплуатации и угнетения является фактом, показывающим не безразличие, а самое пристрастное отношение к общественной жизни. Одновременно все религиозные институты принимали самое активное участие в утверждении и сохранении существовавших эксплуататорских общественных порядков. Безразличие к социальным проблемам на словах никогда не было адекватно церковной практике на деле.

В условиях социалистической действительности, когда каждый человек становится участником общественных преобразований, священнослужителям становится все труднее согласовывать свой так называемый «традиционный индифферентизм» с самыми обыденными представлениями верующих. Именно поэтому среди определенной части богословов появилось стремление отказаться от прошлых призывов к «отрешению от жгучих социальных проблем, от борьбы за переустройство общества на началах справедливости»¹. Что же касается представлений о христианском мировоззрении как о чем-то индифферентном ко всему происходящему в мире, то в них, по мнению этих богословов, повинно не православие, а религиозные фанатики, извратившие представление о нем.

Обращает на себя внимание и тот факт, что если православная церковь в определенные периоды подчеркивала свое безразличие к общественным проблемам, как не имеющим прямого отношения к религии, то в другие — стремилась показать преобразующую роль православия в совершенствовании условий бытия. Все это не является чем-то случайным, простым выражением непоследовательности. Церковь всегда выдвигала или замалчивала такие социальные проблемы, которые для каждого исторического периода были наиболее острыми и злободневными и которые по-разному затрагивали ее интересы. В этой связи в диссертации рассматривается, как изменялась позиция православной церкви в оценке социальных проблем в различные периоды истории и какова ее общая концепция в оценке социальных перемен сегодняшнего дня.

Что же касается различия богословских суждений о роли религии в решении социальных проблем, то здесь также нельзя не видеть разных приемов защиты основ вероучения. Провозглашая индифферентизм в отношении к любому общественному строю, церковь тем самым стремится показать, что ее политика в прошлом будто бы не имеет ничего общего с эксплуататорскими порядками, а неприглядная роль некоторых ведущих иерархов, обусловлена не религией, а государством, использовавшим знамя религии. Меняя

¹ «Журнал Московской патриархии», 1962, № 2, стр. 49.

¹ «Журнал Московской патриархии», 1963, № 1, стр. 40.

тактику в оценке животрепещущих социальных проблем сегодняшнего дня, богословы пытаются доказать, что социализм как общественный строй не противоречит христианству.

В настоящее время русская православная церковь в отношении к социальным проблемам проявляет большую гибкость. Она расширила насколько это оказалось возможным круг общественных проблем, по которым высказывает свою положительную точку зрения. Она неустанно подчеркивает свою прогрессивную позицию в борьбе за сохранение и упрочение мира, за ликвидацию позорной колониальной системы, выступает за суверенитет и независимость народов. Православные богословы осуждают частную собственность, угнетение и эксплуатацию человека человеком и прославляют труд, свободу, равенство, братство. При этом они никогда не забывают подчеркнуть, что их личное отношение к социальным проблемам совпадает с объективным содержанием религии, что любая оценка современных фактов с позиций православия свидетельствует о тождестве коммунистического и религиозного идеалов. Тем самым церковь создает впечатление, что религия в новых условиях приносит не вред, а пользу. Подобная тактика усложняет борьбу с современной религиозной идеологией. Тем более, что здесь богословы касаются таких проблем, которые ближе всего связаны с интересами верующих, с их повседневной жизнью. В связи с этим в диссертации рассматривается сущность попыток отождествления коммунизма с «царством божьим» на земле, дается критический анализ представлений о христианстве как решающем факторе общественного прогресса, раскрывается, как идеалы коммунизма интерпретируются современным православием.

Раньше русская православная церковь отождествляла коммунизм с узаконенным грабежом, насилием над личностью, аморализмом. В работах видных богословов В. А. Никольского, А. Я. Рождественского, И. Г. Айвазова, П. Я. Светлова коммунистическая идеология оценивалась не иначе как «оскорбляющая чувство справедливости в самих его глубоких основаниях». В начале 20 в. церковь проводит целую систему мер по борьбе с возрастающим влиянием пролетарского мировоззрения.

Теперь же богословы пропагандируют идеи о якобы извечном единстве христианства и коммунизма. С этой целью особенно усердно идеализируется раннее христианство как высшее воплощение действительно свободного человеческого духа, а строительство коммунистического общества объявляется реализацией «царства божьего» на земле. На основе анализа всего объема понятия «царство божье», его этической, космической и эсхатологической сторон и связываемых богословами с этим представлением идеалов коммунизма в диссертации раскрывается эфемерность усилий представить эту идею как нечто полностью соответствующее реальным интересам человека.

Особенно много внимания идеологи современного православия уделяют доказательствам прогрессивной роли христианства в обще-

ственной жизни. С этой целью возникновение христианства отождествляется с началом духовного развития человечества, а его идеология — с появлением всей современной цивилизации. Своей практической деятельностью, в частности, участием в движении сторонников мира, осуждением империалистической агрессии, духовенство пытается показать наличие якобы полного соответствия между требованиями христианства и интересами советских людей. Выяснение сущности этих практических действий в диссертации производится на основе оценки политики руководителей церквей и объективного содержания религиозной идеологии. При ответе на вопрос о роли религии в общественной жизни мы должны различать политику руководителей церквей в тех или иных конкретных условиях и объективное содержание социальной доктрины христианства.

В диссертации рассматриваются причины, вынудившие православную церковь настойчиво заниматься поиском точек соприкосновения христианской и коммунистической идеологии и основные источники, на которые опираются богословы в отождествлении христианских поучений с социальными принципами коммунизма. В «Деяниях» и «Посланиях» апостолов священнослужители находят немало фраз и выражений с осуждением роскоши, праздности, эксплуатации, подлости, лицемерия, наживы, грабежа. Именно отсюда они цитируют высказывания: «мир имейте между собою» (Мрк. 9,50), «кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фесс. 3, 10), «где дух господен, там свобода» (2 Кор. 3,17), «будьте братолюбивы друг к другу» (Рим. 12, 10) и т. п. Духовенство, как правило, замалчивает тот факт, что новозаветные книги, не говоря о ветхозаветных, содержат значительно больше таких принципов, которые оправдывают неравенство, санкционируют систему эксплуатации и порабощения, увековечивают «все гнусности, чинимые угнетателями по отношению к угнетенным»¹. Одновременно выпячиваются те библейские социальные вкрапления, которые представляются возможным представить в выгодном свете соответствия коммунистическим идеалам. Если же это не удастся, их переосмысливают. Так, благословение Библией рабства, способное сейчас вызвать только возмущение, предлагается понимать аллегорически. Само слово «раб» в библейских текстах богословы рекомендуют понимать как работник, исполнитель, добровольный слуга. В диссертации дан анализ всех основных приемов «подчистки» духовенством социальной доктрины христианства, используемых для утверждений о его непреходящем величии, якобы выражавшем во все времена интересы трудящихся.

В третьей главе — «Православие и наука» — рассматриваются вопросы соотношения веры и знания, новая православная трактовка сущности научного и технического прогресса, основные приемы обоснования непротиворечивости науки и религии, начиная с раз-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 204.

граничения сфер научного и религиозного познания и кончая использованием научных положений и фактов для подтверждения истинности и необходимости религии.

В том, что в современной православной литературе все большее и большее внимание уделяется доказательствам непротиворечивости веры и знания, нет ничего неожиданного. Богословы хорошо понимают, что былая враждебность, открытая борьба с наукой или даже безразличие к ней в настоящее время могут посеять сомнения в истинности религии. Именно поэтому еще в конце прошлого века наиболее видные идеологи церкви начали «переоценку ценностей», стали утверждать, что религия не препятствует научному познанию. Профессора духовных академий С. Глаголев, П. Светлов, А. Покровский и многие другие заговорили о пользе и необходимости преодоления веками складывавшегося конфликта между верой и знанием. Одновременно они в пользу непротиворечивости науки и религии выдвинули ряд достаточно гибких аргументов.

Изменение позиции церкви в оценке роли и значения знаний было обусловлено не божественными, а вполне земными причинами. Остановить победное шествие науки традиционными приемами в новых условиях оказалось невозможным. Поэтому вначале робко, а затем все более уверенно идеологи православия стали заявлять не только о том, что подлинная наука не противоречит христианству, но позволяет осветить с христианской точки зрения все познанное как акт творческой воли.

В современном православии новое отношение к научному и техническому прогрессу стало всеобщим явлением. Богословы не только соглашались со своими предшественниками о непротиворечивости науки и религии, но пытаются подвести под свои аргументы историческую и теоретическую основу. Пропагандируя как и прежде иллюзорные представления, богословы одновременно с определенных позиций пытаются доказать, что «вера и наука могут жить, не исключая и не отвергая одна другую»¹. С этой целью широко культивируется тенденциозное отношение к историческим фактам. Те из них, которые являются свидетельством непреходящего конфликта веры и знания, — замалчиваются или искажаются. Те же, которые хоть в какой-то мере могут быть использованы для подтверждения лояльного отношения церкви к цивилизации и прогрессу, — выпячиваются и гиперболизируются. Так, например, богословы теперь, воздавая должное заслугам таких авторитетов в области догматического богословия как Антоний, Макарий, Филарет Черниговский, Сильвестр, Филарет Московский, молчат, что последние давали невысокую оценку науке. Зато монастыри, в которых писались летописи, учебники грамматики, арифметики изображаются чуть ли не единственными центрами культуры. Более того, если современная наука показывает несостоятельность тех или иных религиозных представлений, широко пропагандировавшихся в прошлом, то бо-

гословы, ни на йоту не отступая от признания церкви хранилищем истины, соглашались, что церковь нельзя считать непогрешимой во всех вопросах человеческого познания. Многие богословы отмечают даже, что и «святых отцов» вроде Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста нельзя признавать непогрешимыми, когда они говорят не о религиозных вопросах, а о предметах человеческого познания. Здесь уже они являются не «вселенскими учителями», а обыкновенными учеными, способными ошибаться, как ошибаются вообще все люди. Что же касается христианства в целом, то оно, по их словам, всегда было в согласии с любой положительной наукой.

Одним из наиболее популярных приемов доказательства непротиворечивости веры и знания, используемых идеологами современного православия, является смешение объективного содержания научных выводов с субъективным отношением к ним. Богословы утверждают, что религию, основанную на Библии, и науку, дарованную человеку богом, можно представить как две книги бытия, являющиеся произведением одного и того же автора, и следовательно, не противоречащих друг другу. Если же противоречия возникают, то это объясняется тем, что человек неправильно читает одну или другую из этих книг или обе вместе.

В диссертации раскрывается беспочвенность богословских ссылок на произведения первых христианских философов — Иустина, Клемента, Оригена — как доказательство соответствия христианства основным научным принципам, рассматривается посленикийское отношение к научным исследованиям, наиболее полно сформулированное Афанасием Великим и Григорием Нисским, показан процесс эволюции раннего христианства от признания приоритета религии перед наукой до обоснования церковного права на принуждение в делах веры. Кроме того, на примерах и фактах враждебного отношения церкви к науке и свободомыслию доказывается несостоятельность богословских утверждений о том, что эти факты якобы противоречат «священному писанию» и «священному преданию», что они разделялись не всей церковью, а только лишь западной, т. е. католической, и что они являлись следствием невежества и косности не церкви, а ее отдельных иерархов.

Не признавая объективной природы конфликта между наукой и религией и смещая его в сферу субъективного произвола, богословы одновременно изыскивают такие аргументы, которые бы создавали видимость научной обоснованности их выводов. Наиболее распространенным логическим доказательством непротиворечивости веры и знания, по их мнению, является «теория двойственной истины». Суть этой теории в современной богословской интерпретации состоит в следующем. Наука и религия предметом своего исследования избирают различные области действительности. Первая занимается миром естественным, материальным, вторая — сверхъестественным, духовным. Поскольку у них различные области исследования и различные цели, поскольку их нельзя сопоставлять в плане

¹ «Журнал Московской патриархии», 1956, № 5, стр. 66.

соответствия или несоответствия. С другой стороны, говорят богословы, наука изучает физические законы, данные природе божественным промыслом. Религия также учит истине, открытой богом. Поэтому в обоих случаях постигается божественное проявление. Но в боге нет противоречия. Следовательно, не могут быть противоречивыми и различные стороны его проявления.

И «теория двойственной истины» и разграничение на ее основе сфер науки и религии является ничем иным как определенной тактикой богословов, провозглашающих необходимость религии и обосновывающих ее непреходящее значение. В этой связи важно раскрыть то положение, что наука и религия несовместимы по своему содержанию, по способам отношения и методам исследования действительности. Предметом науки является познание и использование объективных законов природы, общественной жизни, мышления. Отражая мир в понятиях и законах, наука служит целям практической деятельности людей. Религия же как раньше, так и сейчас искажает реальную картину мира, препятствует познанию действительности, пропагандирует иллюзорные представления. Коренная противоположность науки и религии — непреходящий фактор.

Одновременно православные богословы пытаются доказать, что ни одна из наук, если она имеет право так называться, не опровергает истинности религии. Более того, история, археология, этнография будто бы свидетельствуют о всеобщности религии во времени, география — в пространстве, философия, психология, богословие — о ее необходимости человеку. В диссертации показано, что история свидетельствует не о всеобщности религии, а о ее исторически-преходящем характере, археология и этнография могут подтвердить всего лишь эволюцию религиозных представлений, а не их всеобщность. Что же касается материалистической философии и психологии, то они не только не имеют никакого отношения к доказательствам необходимости религии, но отвергают всякое представление о сверхъестественном. Лишь богословие и ряд направлений философского идеализма пытаются доказать всеобщность религии, но они не имеют никакого отношения к науке.

Особенно неотразимым аргументом в пользу непротиворечивости веры и знания богословы считают религиозность ученых. Ссылаясь на книгу А. Г. Табрума «Религиозные верования современных ученых», православные священнослужители утверждают, что среди физиков, математиков, геологов, астрономов за исключением некоторых неясных случаев нельзя найти ни одного атеиста. Священник С. Желудков в одной из своих рукописей даже утверждает, что «если бы из учебников астрономии, математики, физики, химии и т. п. вырвать страницы, которые вписали туда своими открытиями верующие ученые — у нас остались бы едва ли не одни только обложки». И совершенно неопровержимым доводом в пользу непротиворечивости веры и знания признается тот факт, что ряд ученых, та-

ких как Н. Кузанский, Коперник, Лемгрен, Пиацци, В. Ф. Войно-Ясенецкий и другие, были монахами, священниками или богословами. Идеологи православия в числе верующих называют тех ученых, которые наряду с выдающимися научными открытиями оставили различные теологические сочинения и тех, которые не имели никакого отношения к религии и в недалеком прошлом преследовались церковью. Но богословы при этом замалчивают тот факт, что теологические работы ученых, как, допустим, толкование «Апокалипсиса» И. Ньютоном, мистические книги Б. Паскаля, статьи о душе и духе В. Ф. Войно-Ясенецкого мало кому известны и не имеют никакого научного значения.

Действительное же отношение любого ученого к религии зависит не от того, занимался ли он теологическими вопросами или нет, а от характера его научных открытий, от теоретических обобщений и мировоззренческих выводов из этих открытий. Сколько бы не говорили богословы о религиозности И. П. Павлова, они не могут согласиться с тем, что его вывод об отсутствии у человека нематериального «дара божьего» — души соответствует принципам религии. Доказав, что никакая духовная жизнь невозможна без наличия нервной системы, сделав вывод, что религиозное представление о «принципе души» не только противоречит физиологии, но и вредно вообще, поскольку мешает проведению научных исследований, ученый тем самым отверг основную христианскую идею о бессмертии души и загробном воздаянии.

Именно эту, самую важную сторону дела современные богословы старательно обходят. Одновременно они замалчивают и другую сторону вопроса, относящуюся к характеру верований ученых. Ведь Г. Галилей, И. Ньютон, А. Эйнштейн, М. Планк и многие другие отвергали идею личного бога, отождествляя последнего с природой. А это уже пантеизм, далеко не тождественный христианским представлениям о триедином боге. Церковь всегда считала подобные представления кощунственными, противоречащими христианству.

Не менее важно в критике идеологии современного православия отметить также и то, что логический арсенал современных богословов не ограничивается постулированием непротиворечивости веры и знания и подбором различного рода аргументов в пользу этой непротиворечивости. Богословы идут сейчас дальше, утверждая, что всякая объективная наука подтверждает не только истинность религии, но и ее наиболее важные догматы. Они, допустим, не ограничиваются признанием догмата триединства бога за безусловную истину. Они не против сослаться на Гегеля и Шеллинга как на философов, доказавших будто бы троичность лиц в боге, исходя из законов разума. Они не брезгают в своих доказательствах проведением аналогий с другими религиями, в частности, с брахманизмом, рассматривающим божество в единстве его трех сторон и действий. В историко-философском и историко-религиозном плане богословы пытаются представить свое учение о троичности бога за безотчет-

ное и неизбежное приближение к признанию трехчленности мира в consensus gentium (единодушном мнении народов). Еще охотнее идеологи православия пользуются разного рода психологическими доказательствами истинности троичности. Одновременно данными археологии, сравнительного языкознания, физики, истории, палеонтологии, этнографии и т. п. они пытаются подтвердить основные библейские рассказы о творении мира, человека, общественной жизни, о бессмертии души и загробном существовании. Критический анализ этих аргументов имеет особое значение в практике атеистического воспитания, поскольку подобного рода аргументы в настоящее время все чаще и чаще используются для защиты религии. Богословы довольно настойчиво пытаются утвердить представление, что всякое научное открытие не отвергает, а якобы только подтверждает религиозные доводы.

В этой связи в диссертации показывается несостоятельность новых теологических приемов в обосновании истинности тех или иных библейских рассказов, фактов из жизни и деятельности Христа, так называемой «разумности догматики». Критическому анализу подвергается и сама логика богословских доказательств, которую они сами в силу очевидной противоречивости объявляют «непереводимой на язык нашей обычной формальной логики», но «позволяющей уразуметь нечто превосходящее разумение».

Но провозглашая союз веры и знания, современные православные богословы, как и их предшественники, стремятся сохранить за религией исключительное право делать мировоззренческие выводы из данных естествознания. Ученые, по их утверждениям, должны заниматься раскрытием законов бытия. Однако, полученные ими математические формулы и экспериментальные данные, полезные и нужные сами по себе, еще не исчерпывают всего многообразия действительности. За экспериментом и обобщением, исследующими, по их мнению, преимущественно поверхность бытия, следует еще более важная задача раскрытия тайны взаимоотношения человека и природы, определяемой будто бы союзом бога и человека. В таком случае союз науки и религии современными православными богословами понимается в свете предложенного еще пятьдесят лет назад профессором теологии Московского университета Н. И. Боголюбовым «закона духовной диффузии», в соответствии с которым наука в способах познания должна опираться на доводы логики и математики, а в оценках и выводах — на высшие христианские идеи и принципы.

Претензии богословов, таким образом, сводились и сводятся к признанию за религией исключительного права делать мировоззренческие выводы из данных естествознания. Что же касается материалистических представлений, логически вытекающих из новых естественно-научных открытий, то они идеологами православия отвергаются самыми различными способами и приемами.

Одним из широко распространенных приемов, используемых православием для утверждения религиозно-идеалистического

взгляда на мир, является спекуляция на нерешенных проблемах науки и особенно таких из них, как происхождение небесных тел, происхождение жизни на земле и происхождение сознания. Оценивая современные космогонические гипотезы, богословы акцентируют внимание на тех из них, которые носят ярко выраженный религиозный характер. Если, допустим, гипотезы Фая, Брауна, Морэ, Джинса и ряд других рисуют картину образования планет солнечной системы таким образом, что для их возникновения необходимы были совершенно особые, исключительные условия, порожденные высшей волей, то такие гипотезы объявляются достойными внимания. Если же космогонические гипотезы отвергают представления о сверхъестественном происхождении небесных тел, то их значение приравнивается к нулю. В таком случае богословы берут под сомнение вообще значение гипотезы как средства научного познания.

Другим, не менее широко распространенным приемом богословской спекуляции на нерешенных проблемах науки, является сопоставление различных, порой противоположных точек зрения по одной и той же проблеме и доказательство на этой основе беспомощности научного и всемогущества религиозного миропонимания. Особенно широко в этих целях используются идеалистические выводы тех или иных действительно крупных ученых. Известно, каких огромных успехов достигла в последние годы кибернетика. Она широко применяется для проведения трудоемких расчетов, моделирования, в процессах управления, в изучении экономических и идеологических факторов.

Успехи кибернетики, подтверждающие жизненность и истинность материалистического мировоззрения, используются богословами для обоснования библейской картины мира. Тот факт, что в новой науке еще не решены такие вопросы, как условия и границы применимости кибернетических методов и понятий, социальные последствия развития кибернетики и т. п., позволили ряду ученых, непоследовательных в своих мировоззренческих взглядах, сделать неверный вывод о замене человека машиной, о наступлении эры роботов, которые поработят людей и последние станут придатками машин, всецело зависимыми от их воли. Опровергая эти ошибочные мнения, православные богословы заодно подчеркивают, что любые новые возможности науки не позволяют раскрыть нерешенные загадки природы. А раз это так, то непреходящая ценность религии в объяснении этих загадок приобретает абсолютное значение.

Особенно ярко и полно противоположность научно-материалистического и религиозного взгляда на мир обнаруживается при анализе философских воззрений современного православия, рассматриваемых в четвертой главе диссертации — «Философские основы современного православия». Ценность философии для религии богословы видят в том, что на почве ее аргументации «отцы и учителя» церкви отстояли христианскую идеологию от ожесточенных на-

падок ее противников, сформулировали основные принципы апологетики. Ее значение определяется способностью воспитать «разумную веру», сделать ее сознательной. Основным признаком истинной философии, по мнению богословов, является ее соответствие христианской догматике. «В деятельности разума, — пишется в «Журнале Московской патриархии», — догматические истины являются теми основами, на которых может быть построено то цельное философское мировоззрение, достижение которого всегда представляло задачу всех его (разума) усилий»¹. Если, допустим, философия подтверждает, что творческой волей определяется жизнь природы, что помимо реального мира имеется мир потусторонний, что разум — есть дар божий, то она достойна называться философией. Если же она приводит к атеистическим выводам, ее нельзя признать истинной. Христианство, говорит профессор Московской духовной академии протоиерей С. Савинский в «Курсе догматического богословия», полностью исключает материализм, поскольку он от начала до конца противоречит религиозному представлению о мире и его законах. Именно поэтому, подчеркивают современные богословы, «между религиозным (идеалистическим) и коммунистическим (материалистическим) сознанием существует конфликт»².

Действительно, материализму чужд всякий идеализм, всякая религия. Раскрывая действительные, а не мнимые отношения реального мира, диалектический материализм не оставляет места для веры в сверхъестественное, в мировой разум, в абсолютную идею. Его метод и выводы опровергают фантастические религиозные представления так же, как и ложное учение идеалистической философии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что православные теологи стремятся так или иначе, тем или иным приемом посеять сомнение в правильности материалистических выводов. И, наоборот, вполне логична защита православием основных положений философского идеализма.

Однако отрицание материализма и защита идеализма современными православными богословами не всегда ведется прямо и открыто. Очень часто ими отмечаются заслуги и недостатки философии вообще, безотносительно к ее теории и методу. Но под видом «философии вообще» излагаются основные положения идеализма. Так, например, из античной философии православные теологи выделяют Платона и Плотина за их учение о вечно сущем и неизменном. Из современных идеалистических направлений они отмечают плодотворность, истинность и полезность неотомизма, персонализма, экзистенциализма, неопозитивизма. В чем они, допустим, видят достоинства неотомизма? Во-первых, в том, что современный неотомизм признает существование высшего нематериального начала — бога, творца всего существующего. Наряду с высшим нематериальным началом, неотомизм объявляет реальной пассивную, косную, лишенную качественной определенности материю, из которой

бог создает разнообразные конкретные вещи. Это как раз соответствует библейскому рассказу с первичном, общем творении (*creatio prima*) и вторичном, частном творении (*creatio secunda*), сводившемся к образованию из первовещества всего многообразия действительности, включая и человека. Во-вторых, в том, что неотомизм признает движение не формой существования материи, а актом божественного творения. В-третьих, в том, что неотомизм считает высшей ступенью познания теологию. В-четвертых, в том, что неотомизм на основании будто бы доказанной эквивалентности научных и религиозных представлений о вселенной и ее законах утверждает не только непротиворечивость веры и знания, но и их неразрывное единство.

Защита неотомизма под видом изложения наиболее общих положений «философии вообще» явление не случайное. Как и религия, неотомизм видит главную свою задачу в доказательствах бытия бога, в проповеди покорности божественной воле, в пропаганде библейской нравственности, в укреплении веры. Отличия между ними второстепенные. Поэтому отстаивая неотомизм, богословы одновременно защищают религию; оберегая его от критики, они тем самым выступают против критики религии.

Наряду с субъективным идеализмом православные богословы не прочь подчеркнуть ценность различных систем субъективного идеализма, особенно экзистенциализма, позитивизма. Что же касается мистицизма Н. Бердяева, Л. Шестова с его мнимо логическими рассуждениями, претендующими на научность, с его фразеологией, близкой к теслогии, то он все в большей и большей степени берет на вооружение современным православным богословием.

Не менее активно борьба против научно-материалистического мировоззрения ведется под видом беспристрастного изложения открытий современного естествознания и особенно интерпретации этих открытий. В работах митрополита Николая, В. Зеньковского, А. А. Ламишнина, в ряде диссертаций, защищенных в последние годы в духовных академиях, в частности, в диссертациях священников П. Гайдукевича «Проявление в мире промысла божия», М. Старокодомского «Вера и разум как пути богопознания по творениям церковных писателей» и других, много внимания уделяется опровержению диалектико-материалистического взгляда на соотношение конечного и бесконечного. Идеологи православия не ограничиваются простым отрицанием бесконечности мира в пространстве и времени, исходя из традиционных теологических аргументов. Они для этого ссылаются на фотометрический парадокс Ольберса, гравитационный парадокс Зеелигера, модель мира Шарлье, теорию относительности Эйнштейна, выводы Джинса и Эддингтона из второго принципа термодинамики.

Однако богословское изложение различных космологических теорий, будто бы доказывающих конечность вселенной, а следовательно, и акт творения, не отличаются ни объективностью, ни добропорядочностью. Богословы ни словом не обмолвились о том, что в фо-

¹ «Журнал Московской патриархии», 1956, № 6, стр. 54.

² «Журнал Московской патриархии», 1961, № 6, стр. 80.

тометрическом парадоксе вся система доказательств строится на предположении о равномерном распределении материи в пространстве, само пространство считается евклидовым, а закономерности, проявляющиеся в отдельных областях вселенной, экстраполируются на всю вселенную. Гравитационный парадокс также строится на признании закона тяготения единственным законом, действующим во вселенной. Но подобные представления не опираются на обоснованные научные факты, в известном смысле произвольны. Именно поэтому они не свидетельствуют о конечности мира.

Еще больше православными богословами предлагается доказательств конечности вселенной, построенных на извращении научных фактов. С этой целью широко используются выводы физического идеализма. Подобные приемы используются также и для того, чтобы посеять сомнение в истинности диалектико-материалистического понимания причинности, познаваемости мира и его закономерностей. Ссылаясь на открытия Н. Бора, В. Гейзенберга, П. Дирака, А. Комптона и других выдающихся физиков, православные богословы в самой категорической форме утверждают о крахе детерминизма и неизбежности представлений о боге как первопричине бытия. Открытие новых форм причинности в микромире требует, по мнению священника П. Гайдукевича, чтобы принцип причинности был заменен статистической вероятностью. Несостоятельность и логическая противоречивость подобных утверждений обстоятельно раскрыта в советской философской литературе. В диссертации показана сущность богословских попыток обоснования мистического варианта индетерминизма.

Православные идеологи, воздавая различные почести науке, в действительности не прекратили и не могут прекратить борьбы с научно-материалистическим мировоззрением. Дело здесь не в том, хотят или не хотят те или иные из них полемизировать с материализмом. Не от их субъективных желаний и вкусов это зависит. Сама религия, все ее объективное содержание полностью противоположно диалектико-материалистическому мировоззрению. Никакая религия не может существовать, не защищаясь от атеистических по своей сущности открытий науки. Правда, в условиях социалистической действительности, когда сила и жизненность материалистической философии является очевидным фактом, когда она стала мировоззрением большинства советских людей, открытые выступления против научно-материалистического мировоззрения принесли бы православной церкви не столько бы пользы, сколько вреда. Этим и объясняется стремление богословов завуалировать свой поход против коренных положений диалектического материализма, использовать такие приемы, которые, с одной стороны, опровергали бы научно-материалистические представления о мире и его законах, а с другой, — не указывали бы прямо на то, что опровергается именно диалектический материализм.

Пятая глава — «Нравственная доктрина современного православия» — посвящена исследованию способов пропаганды и защиты

церковью основных принципов христианской нравственности, анализу попыток отождествления так называемых «заповедей любви», «заповедей блаженства» с моральными нормами социалистического общества. В этой связи в диссертации рассматриваются основные богословские приемы подчинения морали религии, православное понимание роли и назначения нравственных начал в жизни человека, раскрывается несостоятельность христианских представлений о счастье человека и сущность церковной спекуляции на нравственных идеалах.

Исключительное внимание, уделяемое идеологами православия вопросам нравственности означает не что иное как осознанную попытку использовать в интересах религии стремление советских людей к повышению роли морального фактора в закреплении и развитии основных правил социалистического общежития. Активизация духовенства в пропаганде «наиболее возвышенной части христианского вероучения» наглядно прослеживается в тематике церковной проповеди, в содержании публикуемых журнальных статей, в разработке вопросов нравственного богословия. В духовных академиях сейчас широко практикуется подготовка диссертаций, связанных с освещением христианского нравственного учения. Ценность подобных разработок, по мнению бывшего ректора Московской духовной академии К. И. Ружицкого, состоит в том, что они не только позволяют практически использовать накопленный в этой области материал в богослужебной деятельности, но и раскрыть догматические, канонические и другие стороны вероучения применительно к условиям тех или иных социальных преобразований.

Возросшая роль нравственных начал в жизни советских людей является главной, но не единственной причиной выдвижения на передний край вопросов христианской морали, повышения внимания к ней. Дело состоит также в том, что подобный практический прием служит одновременно средством для эффективной пропаганды всеобщего христианского вероучения, включая его догматические основы. Богословы хорошо понимают, что между христианской нравственностью и догматикой существует неразрывная связь. Поэтому они так преломляют догматы через призму нравственных восприятий, чтобы они не казались человеку противоречащими его представлению о действительности. Тщательно скрывая антигуманную сущность и классовую ограниченность христианских нравственных предписаний, идеологи православия выдают их за высшие образцы общехристианских норм жизни свободных людей в свободном обществе. Они готовы дать самую высокую оценку моральному кодексу строителя коммунизма, убеждая при этом верующих, что между коммунистической и религиозной моралью нет ни расхождений, ни противоречий. Более того, моральный кодекс строителя коммунизма нередко объявляется ничем иным как высшей реализацией принципов христианской «науки жизни», которая якобы поддерживает достоинство человеческой личности и охраняет это достоинство.

В этой связи большое практическое значение приобретает ана-

лиз сущности христианской этической доктрины и богословских аргументов в пользу тождества православных и коммунистических моральных принципов.

Действительная противоположность научного и религиозного понимания нравственности рассматривается в диссертации на основе выяснения условий и причин возникновения самых различных, в том числе и христианских, запретов и наставлений, поучений и заповедей, оценок добра и зла, понимания счастья и справедливости, добродетели и порока. Исходной посылкой христианского понимания нравственности является признание ее божественного происхождения. Если конечной целью религиозных стремлений является воссоединение с богом, а нравственных — достижение богоподобного совершенства, то, следовательно, не может быть совершенной нравственности без религии, так же как и истинной религии без соответствующей ей нравственности.

Из этого исходного положения о божественном происхождении нравственности богословами делается вывод и о ее вечности, неизменности, абсолютности, общечеловеческом характере. Если человек признает волю бога, то его совершенство всецело определяется этой волей. Только он как личность, независимо от общества и коллектива, становится высшим воплощением добра и справедливости.

Мистический покров с христианских представлений о нравственности был полностью снят марксистской этикой. Любая система нравственности является отражением существующих экономических отношений, обслуживающая как непосредственно их, так и сложившуюся на основе этих отношений политическую организацию общества. Тем самым она исторически возникает как специфически определенная санкция производственных и идеологических отношений данного общественного строя, включая в себя признание или отрицание его необходимости, справедливости, соответствия интересам личности, класса. Кроме того, если признать нравственность проявлением божественного промысла, то тогда надо согласиться и с тем, что в мире существует одна, вечная и неизменная, христианская мораль, а все остальные, как религиозные, так и нерелигиозные нравственные системы или не существуют, или не являются таковыми.

В диссертации уделяется особое внимание критическому анализу богословских аргументов о сверхъестественной сущности религиозной морали. Хорошо известно о наличии кричащих противоречий в ветхозаветных и новозаветных нравственных требованиях. В одном случае Христос утверждает: «Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить» (Мат. 5,17), а в другом случае — «Заповедь новую даю вам» (Иоан. 13,34). Или «Вы слышали, что я сказал: «Люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших» (Мат. 5,43—44). В различных ветхозаветных и новозаветных нравственных требованиях необходимо видеть не фиксированные этапы божественной заботы с спасении рода человеческого, а раз-

личные общественно-экономических условий, отразивших в нравственных категориях в первом случае процесс складывающихся, а во втором — разлагающихся рабовладельческих отношений.

Особенно важно в критике религиозной нравственной доктрины раскрыть сущность церковной спекуляции на общечеловеческих моральных нормах, содержащихся в Библии, и объявленных богословами выше всякой истории и социальных различий. Идеологи современного православия акцентируют свое внимание на требованиях синайского законодательства как на доказательстве высоконравственного содержания всей христианской доктрины и ее непреходящего характера. Исторический анализ десятословия во всей совокупности его запретов и ограничений показывает, что ни одна из заповедей, в том числе и «не убивай», в период написания «Исхода», так же как и в течение длительного периода времени после этого, не имела универсального характера и не распространялась на рабов, подданных, иноверцев. Но постепенно, по мере развития и совершенствования общественных отношений, сложилась общая тенденция нравственного и юридического осуждения убийства. То же самое происходит и в отношении многих других запретов, содержащихся в десятословии. Вследствие этого некоторые ограничения, составляющие негативную сторону нравственности, утрачивают свое откровенно классовое содержание, становятся элементарными нормами человеческого общежития, а следовательно, и главным объектом церковной спекуляции. Поэтому в критике современной религиозной морали следует обратить внимание не только на ее негативные моменты, не только на то, что она отрицает и запрещает, но главным образом на ее положительные рекомендации, на всю систему позитивных утверждений. В конце концов коренное отличие христианской морали от коммунистической содержится не столько в ограничениях, сколько в понимании роли и назначения нравственности в жизни человека. Здесь уже раскрывается собственное содержание любой нравственной доктрины, ее специфика и принципиальное отличие от других систем морали.

Иллюзия соответствия христианской нравственности интересам человека социалистического общества создается также тем, что в Библии содержатся различные, порой противоположные по своему содержанию нравственные требования. С одной стороны, проповедь покорности и смирения, терпения и непротивления, всепрощения и повиновения, индивидуализма и эгоизма от начала до конца служит интересам эксплуататорских классов. Только угнетатели могли в страданиях людей видеть высшее благо, в покорности — достигнутое совершенство, в отказе от борьбы за изменение условий своей жизни — христианскую добродетель. Только они могли призывать к добровольному и радостному признанию существующего неравенства, безоговорочному подчинению жестокой и бесчеловечной власти, терпеливому отношению к насилию и издевательствам. С другой стороны, та же самая библейская нравственность содержит осуждение богатства, требование равенства, уважения к обездоленным

и униженным, порицает безделье и праздность, паразитизм и грабеж. Все эти требования могли сложиться только в среде трудящихся масс на основе опыта и традиций освободительной борьбы.

Сейчас православные богословы акцентируют свое внимание главным образом на тех библейских требованиях, которые могут быть приняты советскими людьми, и замалчивают все то, что противоречит их интересам. Между тем, эти две тенденции, зафиксированные в Библии, неравнозначны. Определяющее место принадлежит таким религиозным требованиям, которые глубоко чужды трудящимся массам. В противоположность коллективизму трудящихся библейская мораль утверждает чуждый им принцип «каждый за себя, один бог за всех», вместо активной деятельности по преобразованию жизни она призывает «в молитве, в трудах по борьбе с грехом удостоиться тайны духовной жизни». Обретя личное спасение во Хресте, увидев свое ничтожество и беспомощность, человек должен проникнуться христианским принципом смирения

Рассмотрение всех этих проблем позволяет показать несостоятельность богословских заявлений о вечности, неизменности, общечеловеческом характере религиозной морали, тождественной якобы нравственным принципам коммунизма. Но еще полнее и ярче противоположность коммунистической и религиозной нравственности раскрывается при сопоставлении ее цели и назначения в жизни человека. Высшим принципом христианской нравственности считается обретение спасения, достижение вечной и счастливой загробной жизни. Основным средством этого спасения должно быть страдание. Таков идеал христианской жизни, который священнослужители всех рангов пытаются представить непротиворечащим и даже тождественным морали человека коммунистического общества. В наименьшей степени эта противоположность выступает наружу при анализе христианского понимания самой сущности нравственного прогресса и особенно становления и развития наиболее универсальных категорий этики, таких как добро и зло.

Православные богословы не меньшее внимание уделяют утверждению таких нравственных требований, как честность, правдивость, нетерпимость к несправедливости, тунеядству и другим порокам. «Христианин знает, — говорил митрополит Николай, — что царство небесное — это царство света, в котором не может быть грязи, лжи, зла»¹. Кандидат богословия В. Толин писал, что один из епископов «большим грехом... считал пьянство. Водка и вино... враги нашего спасения. Пьяницы царства божиего не наследуют. Все, и особенно юноши, должны избегать вина»². «Нарушением заповедей божиих» объявляет протоиерей А. Ветелев «грехи убийства, кражи, зависти, нечистых помыслов и т. д.»³. Все так называемые восемь главных грехов — чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль,

¹ «Журнал Московской патриархии», 1944, № 11, стр. 24.

² «Журнал Московской патриархии», 1954, № 11, стр. 16.

³ Там же, стр. 32.

уныние, тщеславие, гордость — не только препятствуют воспитанию смирения перед богом, но и вредят личной, семейной и общественной жизни. Так, чревоугодие делает человека малоспособным к деятельности, уныние лишает его целеустремленности, сребролюбие вызывает желание присвоить результаты чужого труда.

Дело однако не ограничивается простой иллюстрацией совпадения правил христианской нравственности с простыми нормами быта. Под эти иллюстрации современные богословы пытаются подвести фундаментальную теоретическую основу и сделать практические выводы. Прежде всего они доказывают, что всякий человек, если только у него есть стремление сбросить свой природный порок, должен поставить его в прямую зависимость от исполнения церковных обрядов, посещения богослужений. Таким образом, становится очевидным, что идеологи православия любую проблему нравственного воспитания связывают с обоснованием решающей роли религии и церкви, со степенью религиозности человека. Именно это является основной причиной большого внимания духовенства к проблемам нравственного совершенства.

В шестой главе диссертации — «Проповедническая деятельность православной церкви» — рассматривается, каким образом религиозная идеология вносится в сознание верующих. Проповедь в настоящее время является главным средством религиозной пропаганды, особенно в той ее части, где наиболее полно обнаруживается стремление духовенства приспособить «истины веры» к условиям социалистической действительности. Через проповедь духовенство чаще всего доказывает тождество коммунистических и религиозных идеалов, неоспоримое величие христианской религии и православной церкви в формировании положительных нравственных начал, в совершенствовании условий человеческого общежития. В проповеди одно из центральных мест занимает сейчас идея сохранения и упрочения мира, призывы к дружбе и сотрудничеству между народами и государствами. Любое общественное явление, в той или иной мере волнующее верующих, находит определенное отражение в проповеднической деятельности.

В этой связи в диссертации рассматривается общая направленность церковной проповеди, ее тематика, требования, предъявляемые богословами к форме обращения к верующим, особенности подготовки кадров проповедников, анализируются основные принципы проповеднической деятельности по гомилетике, пастырскому богословию, истории проповедничества.

Интерес к проповеднической деятельности обусловливается прежде всего тем обстоятельством, что в данном случае наиболее полно обнаруживается зависимость религиозной пропаганды от условий места и времени, от состава верующих, их возрастных, профессиональных и интеллектуальных различий. Кроме того, через проповедь духовенство тесно связывает основные религиозные представления с событиями и фактами сегодняшнего дня, особенно с такими, как воспитание подростков и молодежи, вопросами брака,

семьи, семейных отношений, с задачами искоренения аморальных явлений. Даже те из верующих, кто сомневается в возможности достижения своих идеалов с помощью религии, указывают на привлекательность призывов духовенства к миру и дружбе, к счастью и процветанию, к радости и благополучию. И церковь, учитывая подобные настроения, не упускает случая продемонстрировать свою заинтересованность в решении всех проблем сегодняшнего дня, якобы свидетельствуя тем самым о единстве интересов христианства и народа. Все это, конечно, делается для популяризации религии, сохранения ее влияния, повышения религиозности, упрочения расшатанных основ христианской веры.

* * *

Подводя итог рассмотрению идеологии русского православия, необходимо еще раз подчеркнуть, что данная проблема является одной из коренных современных проблем атеизма. Сейчас нельзя изучать религию, опираясь только на оценки и факты прошлого, не учитывая модернистских тенденций, игнорируя постоянный пересмотр прежних церковных доктрин. От многих положений, которые прежде являлись предметом атеистической критики, церковь не только отказалась, но и сделала объектом собственной критики. Именно поэтому новые тенденции в идеологии православия должны найти самое широкое и всестороннее отражение в атеистических исследованиях.

* * *

Основное содержание диссертации излагалось в следующих опубликованных работах автора:

1. Православие и современность. Монография, объем — 14 печ. листов. Издательство Московского университета, 1965.
2. О модернизации религиозной идеологии. Сб. «Вопросы научного атеизма», Издательство «Мысль», 1966.
3. Причины приспособления церковных организаций к новым историческим условиям. В книге «История и теория атеизма», Издательство «Высшая школа», 1962.
4. Отношение Коммунистической партии и Советского государства к религии и церкви. В книге «Основные вопросы научного атеизма», Соцэкгиз, 1962.
5. Критика религии — с позиций современных знаний. «Коммунист», 1963, № 9 (в соавторстве).
6. Происхождение христианства. В книге «Основные вопросы научного атеизма». Издательство «Мысль», 1966.
7. Православие. В книге «Основные вопросы научного атеизма». Издательство «Мысль», 1966.
8. В ряде популярных статей.